

Шэнь Циньгэ пробиравась по покрытым мхом скользким ступеням к обрыву на западной окраине, сжимая в рукаве три серебряные иглы, пропитанные порошком от яда. После дождя мох отливал маслянисто-зеленым блеском, и под её ногами слышался едва уловимый хруст. Воздух пропитался тошнотворным запахом гнили, словно в этих местах незримо бродил призрак эпидемии.

Лю Жуянь, сгорбившись под тяжестью корзины с травами, следовала за ней. Мелкие семена просыпались сквозь щели в плетенке, подхватываемые ветром, который гнал их к горизонту, где вскипали черные, словно тяжелая занавесь, тучи. Слышался лишь гул ветра да шорох падающих семян, и в этом свисте чудилось дыхание болезни.

— Госпожа, осторожнее! — Лю Жуянь внезапно ухватила за подол платья Шэнь Циньгэ.

Внизу, под обрывом, мутная речная вода, источающая едкое зловоние, омывала раздувшуюся тушу бродячей собаки. Среди гниющих клоков шерсти виднелись обрывки индигово-синих нитей. Бульканье воды казалось шепотом самой смерти. Тело собаки раздулось до предела, кожа лопалась, обнажая изъязвленное мясо, покрытое черно-фиолетовыми пятнами — страшный след, оставленный чумой.

Шэнь Циньгэ подцепила серебряной шпилькой нить, и её зрачки сузились: это был высококачественный облачный шелк, из которого шили подкладку для чиновничьих одежд.

В этот миг вспорхнули потревоженные птицы, и из зарослей тростника, ломая сухие ветки, выбрались с десятков оборванцев. Изможденные, с остекленевшими от страха глазами, они выглядели призраками. Их лица и руки были покрыты язвами, из которых сочился желтый гной вперемешку с черной кровью, источая удушливый смрад.

Старуха, стоявшая впереди, подняла топор для рубки дров. В её мутных белках отражался серо-синий отблеск, характерный для больных этой напастью.

— Псы чиновничьи! — прохрипела она. Голос её, полный ярости, пронзил тишину обрыва.

Губы старухи потрескались, покрывшись черными корками, и каждое слово сопровождалось выдохом, от которого веяло гнилью. Шэнь Циньгэ заслонила собой Лю Жуянь, приготовившись метнуть иглы. Сердце колотилось от напряжения, ладони вспотели. Превозмогая тошноту от исходящего от людей запаха, она внимательно следила за каждым их движением.

Один из хромых мужчин вдруг схватил камень и швырнул его в их сторону, выкрикнув:

— Они хотят лишить нас последнего шанса на жизнь!

Язвы на его ногах проели плоть до кости, и гнойная кровь оставляла кровавый след с каждым его шагом. Камень просвистел мимо виска Шэнь Циньгэ, вырвав клочок волос.

Она уже хотела заговорить, как из бамбуковой рощи донеслись звуки, напоминающие треск

петард. Шэнь Циньгэ замерла, заметив появление Сяо Юя. Этот таинственный человек всегда возникал в самый критический момент, и с его приходом атмосфера стала еще более гнетущей, даже ветер в бамбуке стих. Когда толпа в панике обернулась, черная накидка Сяо Юя мелькнула среди верхушек бамбука и исчезла.

— Посмотрите сами! — воспользовавшись замешательством, Шэнь Циньгэ открыла корзину и достала лепешки с полынью, завернутые в промасленную бумагу.

Горьковатый аромат полыни вперемешку со сладостью меда начал распространяться в дождевом воздухе. Лю Жюянь ловко разломил лепешки и раздала их людям.

— Это целебное снадобье от эпидемии, — звонко произнесла она.

Однако в глазах беженцев читалось лишь недоверие и страх — болезнь лишила их веры в людей. Хромой мужчина вдруг схватился за горло, его стошнило черной кровью. Он забился в конвульсиях, издавая стон, похожий на вопль из преисподней.

Взгляд Шэнь Циньгэ похолодел. Три иглы со свистом вонзились в точки Тянь-ту, Тань-чжун и Ци-хай. Она резко обернулась к старухе:

— Он пил сегодня воду из реки под обрывом?

— Господин чиновник сказал... что эта вода исцеляет... — старуха дрожащей рукой указала на обрыв.

Когда Шэнь Циньгэ ступила в прибрежную грязь, подошва ощутила странную липкость. Она присела и разгребла влажную почву — на кончиках пальцев остался синеватый порошок. Она поднесла руку к лицу: в нос ударил резкий металлический запах. В этот же миг её запястье придавил чей-то сапог.

— Госпоже Шэнь не стоит сеять панику, — усмехнулся господин Ли, поглаживая нефритовое кольцо на пальце. Позади него стражники несли два лакированных сундука. — Я прибыл сюда по указу императора для помощи пострадавшим, а вы распространяете нелепые слухи...

— В зерне, доставленном на баржах двадцать седьмого числа третьего месяца, господин Ли, было тридцать процентов гуаньиньской глины, — громко заявила Шэнь Циньгэ, проводя пальцем, испачканным в синем порошке, по щели в сундуке. — Плесень на дне сундука вряд ли могла появиться от позавчерашнего дождя, не так ли?

Толпа заволновалась. Хромой мужчина указал на господина Ли:

— Это он дал нам те бурдюки!

Лю Жюянь опрокинула сундук, и среди позеленевшего проса отчетливо виднелись индиговосиние нити — точно такие же, как на туше собаки.

— Проклятый чиновник! — топор выпал из рук старухи, и люди, словно бушующая волна, бросились на побледневшего господина Ли.

Сяо Юй холодно наблюдал за происходящим. Шэнь Циньгэ, увидев это, слегка нахмурилась и отошла в сторону, чтобы продолжить поиски источника заразы. Она знала, что всё только начинается.

Спрятавшись за огромным валуном у реки, она мельком увидела в отражении воды серебристый узор сокола. Делая вид, что поправляет прическу, она незаметно спрятала в рукав серебряную шпильку, пропитанную ядовитым мхом.

Сверху, с обрыва, донесся едва слышный щелчок раскрываемого веера. Встревоженные птицы взмыли в небо, задев её шпильку с цветком абрикоса, и скрылись в сгущающихся сумерках. Сяо Юй приставил край веера к шее господина Ли, и в этот момент три бамбуковых листа упали на серебряную вышивку его черной накидки.

У господина Ли вздулись вены на шее, кадык нервно дернулся под холодным краем веера.

— Господин... господин Сяо... — пролепетал он.

— Слышал, в прошлом месяце вы приобрели в Янчжоу новую красавицу? — Сяо Юй крутил на пальце нефритовую бирку с изображением летящего сокола. — Родинка на левом плече той девушки точь-в-точь как у пропавшей дочери управляющего Управления речных перевозок.

Речной ветер разметал подол платья Шэнь Циньгэ, испачканный лекарствами. Она замерла, собирая синий порошок. Край разбитой фарфоровой чашки впился в ладонь. Краем глаза она видела, как кисточка нефрита Сяо Юя качнулась над камнями, запутавшись в индиговых нитях на сапогах господина Ли.

— Я сейчас же пойду перепроверю книги учета! — господин Ли рухнул на колени, его чиновничья шапка покатилась в кровавую грязь.

Сяо Юй небрежно раздробил ему два пальца. Крик боли вспугнул белых цапель в тростнике, и снежные перья, пролетая мимо Шэнь Циньгэ, впитали аромат успокоительного благовония, исходивший из её рукава.

Лю Жуянь, делавшая иглоукалывание хромоту, заметила, как кончики ушей Шэнь Циньгэ покраснели. Проследив за её взглядом, она увидела, как черный рукав Сяо Юя обхватил тонкое запястье Шэнь Циньгэ, а его большой палец стер влажную грязь с её ладони, мимолетно коснувшись красной родинки на запястье.

— Неужели госпожа Шэнь так скупится на благодарность? — Сяо Юй подбросил фарфоровый флакон в воздух.

Шэнь Циньгэ привстала на цыпочки, чтобы поймать его, и её шарф задел рукоять меча на его поясе. Раздался мелодичный звон нефритовых подвесок, и из её рукава выпал сухой лист полыни.

Когда с вершины обрыва донесся свист А-Фу, Сяо Юй внезапно наклонился к самому её уху:

— В час собаки, в лавке румян на Восточном рынке.

Теплое дыхание коснулось её мочки. Шэнь Циньгэ отступила на полшага, оступилась, и Сяо Юй придержал её за пояс, не дав упасть.

В щелях между камнями дождевая вода смывала просо, смешанное с гуаньиньской глиной, в подземную реку. Слышалось лишь мерное тиканье дождя.

— Госпожа, скорее сюда! — Лю Жуянь, держа огниво, приблизилась к корням старой софоры.

Когда Шэнь Циньгэ наклонилась, Сяо Юй безмолвно накинул на её плечи свою черную накидку, от которой исходил запах благовоний вперемешку с кровью.

В корнях дерева зияла дыра размером в пол-аршина, из которой несло гнилью и серой. Из отверстия поднимался черный туман, казалось, полный злых духов болезни. Как только Шэнь Циньгэ просунула внутрь серебряную шпильку, на неё налипла темно-зеленая слизь. В ней виднелись крошечные белые гранулы, напоминавшие яйца паразитов.

Мягкий меч Сяо Юя сверкнул, срезав прядь её волос, и вонзился в расщелину камня, сбив пучок светящихся синим грибов. При повреждении грибки издали шипящий звук, словно болезнь билась в агонии.

— Этот запах... — Лю Жуянь прикрыла нос платком, — точь-в-точь как рвота тех больных.

Шэнь Циньгэ растерла грибок пальцами и вдруг посмотрела на Сяо Юя, который в это время развлекал детей беженцев. Сумерки золотили его профиль, но обычно улыбающиеся губы сейчас были плотно сжаты.

В подземной реке под обрывом внезапно забурлила вода, на поверхность всплыли десятки мертвых рыб. Их раздутые животы были покрыты красными пятнами — следами эпидемии. Шэнь Циньгэ убрала грибок в нефритовую шкатулку и, поднимаясь, нарочно наступила на подол Сяо Юя.

В тот миг, когда он обернулся, чтобы поддержать её, она скользнула пальцами по его ладони, вложив шелковый платок с антидотом в потайной карман на его мече.

— Поручаю господину Сяо присмотреть за Жуянь, — Шэнь Циньгэ затянула рукава, и свет огнива отбросил причудливые тени от отверстия в дереве.

Сяо Юй, вертя в пальцах её оброненную шпильку с цветком абрикоса, внезапно кончиком меча поддел камень и швырнул его в дерево. Старое дерево содрогнулось, и из трещин посыпалось еще больше индигового порошка, сплетаясь в сумерках в густую сеть.

<http://bllate.org/book/18527/1781927>